

2. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17 (Помаранець – Потишати) / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Г. А. Богатова. М. : Наука, 1991.

3. Зуева О. В. К проблеме семантической дифференциации обозначений эпистолярных текстов в древнерусских и старорусских письменных памятниках: грецизмы *грамота, епископия, хартия, харатия* / О. В. Зуева // Журнал Белорусского гос. ун-та. Филология. 2023. № 2. С. 101–114.

4. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 27. Поровень – прегрешіти / склад. А. М. Булыка [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск : Беларуская навука, 2007.

5. Зуева О. В. Обозначения эпистолярных текстов в древнерусском и старорусском языках: слова с внутренней формой ‘то, что писано’ и их производные // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады [Электронный ресурс] / редкол. : Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др. ; отв. ред. М. С. Шишков. СПб. : МАПРЯЛ, 2024. С. 287–292.

6. «Азбучный письмовник» // А. С. Демин. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 588–600; 611–639.

7. Аввакум. Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой: («Прежде сих грамоток...») // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М. : Academia, 1934. С. 303–305.

8. Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты ; науч. ред. Е. К. Ромодановская. М. : «Индрик», 2007.

## **«ИНО ДЕ ПРОМЕЖУ ЗЕМЕЛЬ РУБЕЖ»: ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ В XVII ВЕКЕ**

**О. А. Казакевич**

*Томский государственный университет,  
пр. Ленина, 36, 634050, г. Томск, Российская Федерация, o\_slugina@mail.ru*

В работе<sup>1</sup> рассматриваются особенности репрезентации Великой Китайской стены и заставного города Калган как одной из границ между Китайским царством и Сибирью в Средние века. Источниками для исследования послужили три русских разновременных посольских отчета XVII в., содержащих информацию о интересующих нас объектах: Роспись Китайскому государству И. Петлина (1619) и два статейных списка авторства Ф. И. Байкова (1657–1658) и Н. Г. Спафария (1675–1676). Анализ текстовых фрагментов, посвященных Великой китайской стене и Калгану, позволил определить наиболее существенные для русского человека признаки и параметры описания, связанные с искусственно созданной границей. Кроме общих для всех трех памятников черт, исследование выявило ряд отличий в языковой репрезентации пограничных объектов, обусловленных языковой личностью их авторов.

**Ключевые слова:** языковая репрезентация; инокультурные реалии; посольские документы; Китай; XVII век.

Знакомство русских людей с культурой и обычаями Китая произошло в XVII в. и нашло отражение в текстах посольских отчетов этого периода:

---

<sup>1</sup> Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0042.

Росписи Китайскому государству И. Петлина 1619 г. в трех вариантах [1], статейном списке Ф. И. Байкова 1657–1658 гг. в двух вариантах [2] и статейном списке Н. Г. Спафария 1675–1676 гг. [3]. Перечисленные памятники содержат богатые лингвистические, этнографические и культурологические данные о Китае и помогают воссоздать восприятие русскими людьми как чужого мира в целом, так и границ между своим и чужим в частности. В качестве предмета исследования репрезентации подобной границы в настоящей работе выступают текстовые образы Великой Китайской стены и древнего китайского города Калган, расположенного к северо-западу от Пекина (современное название – Чжанцзякоу). Эти инокультурные для русского человека реалии были выбраны неслучайно: Калган возник и развивался как пограничная застава на Великой Китайской стене и представлял собой главные ворота, или Восточный проход, на караванном пути из Монголии и России в Китай. Именно через Калган прибывали в Китай русские посольства и купцы из Кяхты – конечного пункта Сибирского тракта [4].

Этот город не миновали и посольства И. Петлина, Ф. И. Байкова и Н. Г. Спафария – об этом свидетельствуют упоминания о Калгане под разными наименованиями во всех трех источниках. И. Петлин обозначает его как *Широкалга*, записанная транскрипция монгольского названия *Калган*, воспринятая от сопровождавших И. Петлина монгольских лам Тархана и Беликты [5, с. 60]. У Ф. И. Байкова китайский город назван другим монгольским обозначением – *Капка*, по аналогии с монгольским *Халга* (в значении «застава, ворота»), и только в тексте Н. Г. Спафария появляется созвучное монгольскому *Халга* наименование *Калган*, хотя это название посол употребляет по отношению ко всей Великой Китайской стене, а заставной город именуется *Синфенкун*. С названиями этой точки маршрута русских миссий в текстах посольских отчетов неразрывно связаны и описания Великой Китайской стены, которая к настоящему моменту наилучшим образом сохранилась именно в этой части – к востоку от Калгана. Ее состояние в конце XIX в. оценивалось следующим образом: «Здесь она еще сохранила местами прежний вид массивной каменной стены, в 6 метров высоты и толщины (у основания), с высокими четырехугольными башнями, на известном расстоянии одна от другой» [6, Т. XV, с. 173], – вероятно, в этом месте она была в хорошем состоянии и в XVII в.

Текстовые фрагменты, посвященные этому городу и Великой Китайской стене, расположены в средней части посольских отчетов и являются разными как по объему, так и по наполнению. Так, в первом варианте Росписи И. Петлина фрагмент занимает чуть более двух листов рукописного текста (лл. 12–15 без оборотов, 493 слова), в московском варианте отчета Ф. И. Байкова – менее двух листов (лл. 110–112 без оборотов,

317 слов), а в статейном списке Н. Г. Спафария – 4 листа (лл. 103–104 с оборотами, 653 слова). Критериями для определения границ фрагментов для анализа стали единство тематики (упоминание названия города, Великой Китайской стены) и формальное единство текста (без выпуска «лишней» информации или дополнительных вставок текста, расположенных в других частях отчета).

В Росписи И. Петлина фрагмент, посвященный данной локации, открывается описанием Великой Китайской стены, название которой в тексте не указано. При обозначении этого объекта для казака ключевыми становятся следующие параметры: материал постройки (*кирпичная*), количество башен (*по рубежной стене башен со 100*) и расстояние между ними (*башня от башни стоит по стрельбищу*). Более подробное освещение получает назначение стены, прокладывающей границу между мунглами и китайцами, записанное И. Петлиным со слов: *потому, что де 2 земли – земля де Китайская, а другая де земля Мугальская, ино де между земель рубеж*. Интересно очевидное противопоставление в этом микротексте информации, проверенной самим посланником и полученной со слов иноземцев (*мы сочли / китаские люди нам сказали*). При этом в описании стены из 189 словоупотреблений только 61 отражает наблюдения посланника (то есть менее трети фрагмента), остальное – пересказ полученных от других людей сведений.

Далее следует достаточно типичная для автора отчета характеристика въезда в Калган и самого города: И. Петлин указывает количество ворот и их размеры (*пятеры ворота, ниски и уски, на коне наклоняся проедешь*), этническую принадлежность города (*китайской*), материал постройки (*каменной*), название (*имя городу Широкалга*), а также главу города (*воевода в нем князь Шубин*). Калган описывается при помощи стандартных для казака формулировок, повторяющихся в Росписи при описании всех городов (*высок, хорош и мудрен делом*), обязательной является номинация оборонных сооружений (*башни, пушки и другое оружие, караулы*). В анализируемом микротексте выделяется событийная номинация-детализация, описывающая ритуал закрытия прохода через рубеж: *А как солнышко за лес сядет, и караульчики ис трех пицалей выстрелят трежды зуино, да станут бить по литаврам, бьют часа ночи три, да перестанут бить, да опять выстрилят трожды на утряной зоре, а города не отпирают часов до шти дни*.

Также к обязательной характеристике города можно отнести указание на наличие торговых рядов, их внешнего вида (*лавки каменные, выкрашены красками всякими и травами выписаны*) и продаваемых товаров, номинации которых выражены однородными субстантивами (*товары в лавках всякие... бархатов и камок, и дорогов, и тафт, и камок на золоте и*

с медью много всяких цветов). Дополнительно И. Петлин упоминает кабаки, харчевни и тюрьмы, а также маргинальные слои населения города и наказания за разбой.

Аналогичный фрагмент в статейном списке Ф. И. Байкова начинается с описания близлежащих к городу земель, этнической принадлежности их населения и того, кому оно служит: *меж тех городов Кококотана и заставного города Капки живут мугальские тайши кочевные, которые отложились от своих мугальцов, называют их тюбенцами, а служат китайскому царю*. Далее обозначается, в какой день отряд подошел к городу, при этом не просто указывается дата, но также дается отсылка к церковному календарю: *к заставному городу Капке пришел посол февраля в 10 день в Мясное заговейно*; локация и расстояние номинируются количеством времени, потраченным на дорогу: *стал, недошед до города за полдниша*. Важной деталью является упоминание подвод и кормов: *воеводы в корму и в подводах отказали*. Все перечисленные параметры являются типичной и неотъемлемой частью характеристики любого населенного пункта в отчете Ф. И. Байкова.

Сам Калган посол описывает тоже по определенной схеме, обозначая в первую очередь расположение города (*стоит... меж гор каменных*), его статус и название (*заставный город Капка*), материал постройки (*кирпичиной, смазыван извистью*), а также приводя общие сведения, касающиеся стоимости основных товаров, необходимых для отряда: *в том заставном городе Капке запас всякой дорог: муки пшеничной и проса и толокна подкупили по лану, а быки покупали невелики лан по осьми и по 10-ти и по 12-ти*. Данная характеристика разбивается и переплетается в тексте с описанием Великой Китайской стены: Ф. И. Байков обозначает ее общие размеры (высота, ширина) – *стена высока, сажени в 3 печатных, поперег в полторы сажени*; размеры кладки (*камень кладен в стене небольшой, а не смазыван ничем*); конструкцию башен (*ставлены от стены прочь*), их размеры (*велики и высоки*) и расстояние между ними (*промеж башен сажен по 100-у*).

Сведения о расположении и протяженности стены получены Ф. И. Байковым также со слов других людей, что выражается в его тексте частицей *де*: *стена де та ведена от ревенского китайского города от Сукчея*. Также он подробно перечисляет все источники информации – бухар, калмыков и китайцев, возможно, для подтверждения достоверности пересказанных им данных. Так же, как и у И. Петлина, в статейном списке Ф. И. Байкова треть информации о Великой Китайской стене представляет собой отсылку к другим источникам: 39 словоупотреблений из 111 составляют пересказ со слов других людей.

Как и в отчете И. Петлина, соответствующий фрагмент в статейном списке Н. Г. Спафария начинается с описания Великой Китайской стены, для характеристики которой посланник использует те же параметры: размеры и протяженность (*стена большая, которая объемлет от моря восточного всех те стран Китайского государства, а идет без урывки на 1500 верст*), расположение (*кладена она поверх хребта и поверху высоких камней*), материал постройки (*камень великой дикой серой, а на верху кирпич*), высота и ширина (*вышина стен по 4 сажени, а ширина по 2 сажени*), наличие башен и расстояний между ними (*башни ставлены часты, по 100-у сажени будет между башнями*). Далее, как и первых двух памятниках, следует фрагмент, записанный со слов китайцев, показывающий масштабы постройки: *на горах камня не осталось, а на степях песок, а в реках воды, а в лесах древа*. Интересно, что последнее описание, переданное со слов китайцев, представляет собой только 25 словоупотреблений их 117.

За описанием Великой Китайской стены в тексте Н. Г. Спафария следует достаточно сложный фрагмент, посвященный конструкции рубежных укреплений – несколько идущих параллельно стен и башен между ними (*к стене небольшой, которая стоит под большою стеною от горы до горы; проехав те ворота, опять стена и ворота третьи; зделана башня великая*); также с указанием размеров построек (*первые ворота, которые были шириною в 4 сажени; башни гораздо крепки; третья стена толще всех*); традиции записывать всех входящих и выходящих из Калгана людей и оружие (*не токмо людей, и оружие все считают и записывают, для того как поедут назад, чтоб не было людей лишних и оружия*). Интересно, что только Спафарий приводит различные варианты названий Китайской стены (*Большая стена, Джаси, Калган*) и указывает на наличие языческих храмов вокруг (*едуци к заставному городу были постановлены кумирницы выкрашенные и идолы в них многие*), что является одной из отличительных особенностей его отчета.

Непосредственно Калгану в отчете Н. Г. Спафария посвящено достаточно мало, поскольку, как пишет посланник, *по городу ходить нашим людям не дали*. Тем не менее в тексте находим общую характеристику города: материал постройки (*каменной*); конструкция (*зделан таким же подобием, как и большая стена*); ориентация в пространстве относительно стены по оси координат север-юг (*выехав из большие стены из ворот, ехали к городу с севера на полдень*). При описании Калгана для Н. Г. Спафария важно наличие жилых мест вокруг (*жилых людей много*) и оружия (*пушечного снаряду нигде не видали*). Так же, как и авторы первых двух источников, он отмечает развитость торговли (*торгу много и всякого харчевого продают много*).

Таким образом, на основе полученных при анализе данных можно сделать следующие выводы. Для И. Петлина характерен преимущественно сбор возможных сведений, внешняя характеристика увиденного, причем не только объектов иноземной действительности, но и традиционного уклада иноземцев. Ф. И. Байков много внимания уделяет формальной стороне отчета и выстраивает свой текст по определенной схеме, включая в нее достаточно богатые описания реалий иноземья. В статейном списке Н. Г. Спафария наблюдается преимущественное внимание к тому, что посланник увидел своими глазами, текст демонстрирует большую ориентацию на свой опыт, нежели на опыт других людей.

Интересным представляется, что, несмотря на возможность видеть стену задолго до проезда через нее и после этого, длительное движение отрядов вдоль нее, при ее описании посланники часто ссылаются на свидетельства третьих лиц. При сопоставлении фрагментов, содержащих сведения, переданные со слов других людей, обнаруживается не только различие в их объеме относительно всего фрагмента, но и существенная разница в содержании: у И. Петлина это назначение стены, у Ф. И. Байкова – ее расположение, а у Н. Г. Спафария – легенды, связанные с ее происхождением.

Статистические подсчеты полного объема всех выделенных изначально фрагментов отчетов привели, на первый взгляд, к неожиданным результатам: у И. Петлина на 1 слово в среднем приходится 2,4 употребления, у Ф. И. Байкова – 2,35, у Н. Г. Спафария – 3,02, что указывает на меньший словарный запас последнего. Но фрагмент текста Н. Г. Спафария более чем в два раза больше, чем у Ф. И. Байкова, и в 1,3 раза больше, чем у И. Петлина, что вносит свои коррективы в подсчеты: чем текст меньше, тем меньше в нем вероятность повториться какому-либо слову. Как представляется, ближе к действительному положению показатели этого параметра в описании Великой Китайской стены, где анализировались близкие по объему фрагменты отчетов.

#### **Библиографические ссылки**

1. Петлин И. Роспись Китайскому государству // Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы / под ред. В. С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1 : 1608–1683. С. 79–90.
2. Байков Ф. И. Статейный список // Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М. : Наука, 1966. С. 113–145.
3. Спафарий Н. Г. Статейный список // Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы / под ред. В. С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1 : 1608–1683. С. 346–458.
4. Чжанцзякоу // Путеводитель Ермак Вагус. [Б. м., б. г.]. URL: <https://ermakvagus.com/Asia/China/chzhan-rus.html> (дата обращения: 15.10.2024).

5. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М. : Наука, 1966.

6. Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1904.

## **ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *ДОЛЖЕН* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ**

**Л. Ф. Килина**

*Удмуртский государственный университет,  
ул. Университетская, 1, 426034, г. Ижевск, Россия, kilin\_74@mail.ru*

В статье освещается проблема установления связи между лексикой и грамматикой на примере прилагательного *должен*, встречающегося в современном русском языке только в краткой форме. Обращается внимание на тот факт, что в современных словарях прилагательные *должен* и *должный* приведены как разные лексемы, а в исторических словарях как формы одного слова. В результате исследования, которое проводилось на материале Национального корпуса русского языка, установлено, что данное прилагательное уже в древних текстах используется преимущественно в краткой форме, выполняя функцию предиката. Закрепление в русском языке именно краткой формы обусловлено тем, что она употреблялась в значении ‘обязан’ при описании распространенных ситуаций, когда необходимо было совершить какое-либо действие. Следовательно, грамматическая семантика рассматриваемой единицы обусловлена ее лексической семантикой.

**Ключевые слова:** прилагательное; значение; форма; корпус; поиск.

Сегодня в лингвистической науке широко распространено мнение о том, что грамматика и лексика находятся в постоянном взаимодействии, при этом «семантика слова предопределяет внутренний динамизм грамматической системы, активно участвуя в формировании и развитии отдельных грамматических категорий», а «динамика и характер лексических процессов во многом зависят от категориальных грамматических признаков» [1, с. 68]. На данный момент уже сформировалось целое научное направление, представители которого занимаются изучением грамматической семантики языковых единиц, совмещая принципы и методы современной лексической семантики с анализом специфических грамматических черт языковых единиц.

Описанию особенностей образования и употребления кратких прилагательных в русском языке на разных этапах его развития посвящено большое количество научных работ, но многие вопросы, касающиеся истории формирования этой грамматической категории, до сих пор остаются дискуссионными. Так, Л. П. Якубинский указывает, что краткая форма